

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИСТОКИ ПОВЕДЕНИЯ ЭЛИТ

ВАДИМ СМИРНОВ

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматриваются теоретические подходы к изучению влияния международной среды на формирование и деятельность политической элиты. Выделяются структурные и субъектные характеристики политической элиты, позволяющие рассматривать в динамике ресурсы, интересы, цели и поведение данного политического субъекта. Предложенный подход позволяет увязать состояние международной среды с оценкой ресурсообеспеченности и поиском внешнеполитической ниши государством. Их включение в анализ позволяет более полно раскрыть многогранность мотивации и часто нелинейные причинно-следственные связи, определяющие поведение политической элиты, ее тактические и стратегические решения.

Эффективность управленческих действий правящего класса, его устойчивость и внутренняя стабильность в значительной мере зависят от зрелости государственных институтов, через которые осуществляется управление общественными процессами. Его обеспеченность ресурсами зависит не только от особенностей возглавляемой страны, но также от характера и форм взаимодействия элиты с международной средой. Данные отношения могут способствовать расширению или оскудению ресурсной базы.

Предлагаемый в статье подход основывается на сочетании теории элит, неонституционализма и теории международных отношений. Это позволяет эффективно расширять предметное поле теории политической элиты, объединяя внутри- и внешнеполитические переменные. Предложенная в статье теоретическая модель может быть в дальнейшем детализирована в процессе ее приложения к анализу конкретных политических и международных проблем. Операционализация предложенного подхода может быть обеспечена путем выделения структурных и субъектных характеристик объекта исследования и определения соответствующих переменных. Структурные характеристики политической элиты могут быть раскрыты при помощи анализа состава, сплоченности и циркуляции элит с опорой на качественные и количественные методы исследований. Субъектные характеристики могут быть выявлены посредством изучения взаимодействия политической элиты с другими политическими субъектами во внутренней политике государства и международной среде.

Ключевые слова:

политическая элита; структура; система; ресурсы; политический институт, внешнеполитическая среда.

В настоящей статье под **политической элитой** понимается *группа лиц, контролирующая принятие и исполнение основных политических решений государственным аппара-*

*том*¹. Ее институциональные границы определяются в каждой конкретной ситуации индивидуально, в общем же смысле — это высшее звено исполнительной и зако-

¹Приведенное определение представляет собой «узкую» интерпретацию понятия, которая позволяет эффективно его операционализировать, тогда как расширительные трактовки существенно затрудняют этот процесс. Различные социально-политические группы, не имеющие прямого влияния на функционирование государственного аппарата, в данном случае выводятся за рамки категории политической элиты, что не исключает возможностей их косвенного воздействия на политические процессы в государстве.

нодательной власти, а также неформальные группы, оказывающие регулярное воздействие на принятие государственных решений². Политические элиты обособляются от общества, образуя относительно закрытую группу [Гаман-Голутвина 2003: 97–103], но при этом зависят от его поддержки, обеспечивающей легитимность власти. Их взаимодействие с социальными группами выстраивается через политические институты, в рамках которых происходит распределение ресурсов и сопряжение интересов многочисленных социальных групп. Их конструкция определяет соотношение публичной и непубличной политики, а также методы взаимодействия, «обратной связи» между обществом и правящим классом.

Изучение элит остается одним из наиболее востребованных направлений в политической науке. Выделяются три основных тематических блока исследований:

1) характеристики политической элиты (анализ этнической, конфессиональной, классовой, партийной принадлежности представителей правящего слоя);

2) структура политической элиты (взаимосвязи между индивидуальными и групповыми субъектами, степень их сплочен-

ности и полицентричности с точки зрения распределения власти);

3) отношения политической элиты с внешней средой: взаимодействие политического руководства с обществом (внутренняя политика) и международной системой (внешняя политика).

В последние два десятилетия при изучении элит внимание преимущественно уделялось первым двум группам исследовательских проблем, в то время как проблематика взаимодействия правящего класса со средой разрабатывалась в меньшей степени. Ряд исследований был посвящен вопросам взаимодействия правящего класса и общества (проблема профессионализации и вертикальной интеграции политического класса [Representative Elites in Post-Communist Settings 2003]). Тем не менее недостаточно внимания обращалось на важность теоретической проработки и операционализации исследования внешнеполитических аспектов формирования и деятельности политических элит³.

Последнее создает риск замыкания исследований правящих группировок преимущественно на внутрисистемных факторах. Результатом могут стать упрощенные теоретические модели поведения полити-

²Данный подход к фокусировке исследования расходится с подходом Дж. Хигли лишь в отношении критерия государствоцентричности определения политической элиты. Так, Дж. Хигли относит к политическим элитам не только отдельных личностей или социальные группы, способные оказывать постоянное и значительное влияние на политические результаты, но также и субъектов, способных создать «существенные политические проблемы» [Higley 2006: 7]. По мнению автора, включение, согласно данной логике, в категорию политической элиты оппозиционных лидеров (контр-элиты) размывает границы, отделяющие политические элиты от политических субъектов – институциональных и социальных. Автор полагает, что политическая элита определяется согласно критерию непосредственного доступа к воздействию на госаппарат и неразрывно связана с понятием государства. Таким образом, понятия «правящий класс» и «политическая элита» отождествляются, тогда как понятие «политический класс» значительно превышает их по своему объему. Данный подход можно назвать государствоцентричным, выделяя в рамках политической элиты группу высших руководителей, насчитывающих несколько десятков лиц. Он конкретизирует идеи Х. Беста и Дж. Хигли об «узком внутреннем круге» элиты, члены которого контролируют различные государственные функции и элитные группы [Best, Higley 2010: 7; Крыштановская 2004: 3–39].

³Обозначенный недостаток, на первый взгляд, находится в прямом противоречии с растущим в последние десятилетия общенаучным интересом к проблематике «проницаемости» национальных границ, влияния транснациональных процессов на национальные государства и т.п. Вместе с тем разработка данной тематики проводилась преимущественно на уровне социальной и политической философии (труды З. Баумана, У. Бека и др.). Задача формирования системной теоретической картины влияния внешнеполитических факторов на политическую элиту к настоящему моменту не решена. Следует отметить, что попытки концептуализации и операционализации в данной области предпринимались в трудах зарубежных исследователей теории игр, были созданы формальные модели. В то же время они все еще не имеют законченного системного характера [O'Neill 2007: 25–44].

ческих элит в замкнутых национальных границах. Например, процессы демократизации обществ нередко объяснялись исключительно внутренними социально-экономическими причинами⁴ [Przeworski 2000]. Внутриэлитное размежевание и отсутствие консенсуса нередко связывалось преимущественно с социокультурными особенностями обществ [Almond, Verba 1963; Putnam 1993].

Данные группы переменных необходимы для анализа политической жизни, однако их абсолютизация не оправдана, так как исключает влияние внешнеполитических расчетов правящей группировки. Страноведение и теория международных отношений выступают фактически нераспоржимыми, взаимодополняющими дисциплинами [Хрусталева 2015: 34], однако в теории элит их взаимосвязи остаются в значительной степени непроясненными.

1

Объяснение сложившейся ситуации может быть увязано с двумя особенностями развития политической науки. *Во-первых*, процесс специализации исследователей ведет к углублению детализации за счет сужения широты обзора. Соответственно, в последние десятилетия возросло обособление сравнительной политологии и теории международных отношений. *Во-вторых*, в последнюю четверть века в политологических исследованиях (и российская политическая наука в этом смысле не исключение) преобладала транзитологическая парадигма. Претендуя на создание интегративной теории, ее представители стремились выявить

ограниченный набор переменных политической жизни — максимально наглядных и легко поддающихся квантификации [Капустин 2001: 6–26]. Выступая производной от теории модернизации, транзитология фактически ставила задачей определить четкую последовательность шагов к демократизации политической системы по западному образцу. Теория элит стала союзником данного подхода, так как решения политического руководства рассматривались как ключевое условие для перехода к демократической форме организации политической жизни⁵. При этом в качестве стимула к переменам рассматривалось растущее в результате модернизации давление гражданского общества на политический режим. Таким образом, внешнеполитическая среда отходила в лучшем случае на второй план, а нередко ею попросту пренебрегали.

Вследствие относительно высокого уровня абстрактности теоретических построений прогностический потенциал транзитологии оказался ограниченным. Возникновение декоративных демократий, а также откат от «демократических революций» к авторитарным (гибридным) режимам способствовали проблематизации данной теории [Fukuyama 2015].

Популярность транзитологии в российской политической науке, пик которой пришелся на рубеж 1990–2000-х годов, обусловила снижение интереса к отечественным научным школам. Разработка теоретико-методологических подходов к политическим исследованиям в советский период велась преимущественно в области международных отношений по причине

⁴Затрагивая тему связи уровня доходов населения и демократизации, следует обратить внимание на ряд новых исследований, доказывающих наличие положительной корреляции, однако не подтверждающих причинно-следственную связь между демократизацией и благосостоянием населения. Другими словами, под сомнение не ставится тот факт, что демократические режимы сформировались в наиболее богатых странах, однако нет достаточных оснований утверждать, что богатство является ключевой причиной демократизации — возможно, это результат воздействия и других переменных [Acemoglu 2008: 808–842].

⁵Показательно, что данный тезис получил широкое распространение после распада СССР и крушения коммунистических режимов в Восточной Европе. В данном случае возникновение новых демократических режимов было вызвано не длительным развитием капиталистических отношений, как в Западной Европе, но решением политических элит, что подтверждало тезис о ключевой роли последних в процессе демократизации [Эдинггер 2010: 13–29; Elites in Transition: Elite Research in Central and Eastern Europe 1997].

идеологических ограничений. Однако подходы, предложенные специалистами-международниками [Богатуров и др. 2002; Примаков 2014; Примаков, Хрусталеv 2006; Хрусталеv 1984; Цыганков 2014], как оказалось, вполне применимы к политологии в целом, позволяя дать оценку политической ситуации с точки зрения ее стабильности/нестабильности и вероятных направлений развития.

Весомые альтернативы транзитологической парадигме существуют и на Западе. Еще в 1960-х годах труды С. Хантингтона придали значительный импульс ответвлению теории модернизации на основе институционального подхода [Хантингтон 2004], получившему дальнейшее развитие в работах Ф. Фукуямы. За данным исследовательским течением закрепился яркий сторонников «авторитарной модернизации», хотя его авторы последовательно подчеркивали значение не единоличного, а, напротив, организационного начала в политической жизни, выражающегося как в устойчивых государственных институтах, так и партийных структурах, которые способны обеспечить включение общества в политическую жизнь.

Опираясь на этот подход, Ф. Фукуяма объясняет происходящее в ряде стран с «молодой демократией» попятное движение к авторитаризму невозможностью политических элит поддерживать порядок, опираясь лишь на формальные демократические институты. Для устойчивости демократических режимов требуются значительные организационные ресурсы, позволяющие обеспечить исполнение государственных решений и надежную «обратную связь» бюрократического аппарата с обществом. Логичным следствием такого объяснения стал тезис об источниках потенциала политической элиты, которые вбирают не только внутренние, но также и международные ресурсы. Приобретение последних зависит от ее внешнеполитиче-

ских действий с учетом текущей конъюнктуры и фундаментальных параметров мировой системы. Ф. Фукуяма приблизился к постановке данной проблемы, обращая внимание на роль иностранной помощи развивающимся странам в обеспечении политической устойчивости их государственных институтов⁶.

Характер взаимодействия политических элит с международной средой определяется, с одной стороны, положением государства в существующей мировой и региональной архитектуре, а с другой — его качественными характеристиками. Один из главных вопросов теории в этой связи заключается в установлении соотношения между внутривополитическими и международными переменными, определяющими деятельность правящего класса в стране.

В американской политической мысли приоритет традиционно отдавался внутренней политике (характеру политической организации общества), которая определяла поведение политических элит на международной арене. Удержание власти в своей стране выступает основополагающей задачей правящего класса, решение которой позволяет выстраивать внешнеполитический курс. Однако в рамках теории международных отношений в последние несколько десятилетий был сформулирован ряд выводов о взаимовлиянии внутренней и внешней политики, которые не были в полной мере учтены теорией элит. В частности, П. Гуревич заключает, что «международная система — это не только следствие отдельных политических систем и их действий, но и их причина», исходя из чего приходит к выводу о необходимости анализа внутренней и внешней политики государств как единого целого [Gourevitch 1978].

Вопросы государственного престижа (статуса в международных отношениях), а также конкретные внешнеполитические вызовы нередко оказывают решающее влияние на легитимность политических элит,

⁶В частности, Ф. Фукуяма формулирует проблему слабых государственных институтов, которые не способны обеспечить эффективное использование международной помощи, но при этом становятся все более зависимыми от внешних доноров для поддержания собственного функционирования [Fukuyama 2005: 84–88].

в том числе и внутри их государств, ресурсообеспеченность и стабильность политического режима [Collins 1995: 1552–1593]. П. Гуревич обращает внимание на то, что революции в Англии, Франции, России и Китае начинались с международных потрясений, а именно — крупных войн. Данный тезис получил широкое развитие в рамках теории революций, доказавшей зависимость слома политических режимов от крупных внешних кризисов, повлекших за собой перенапряжение ресурсной базы и подрыв легитимности правящей элиты [Goldstone 1991; Skocpol 1979]. Тем самым подтверждается тесная связь международной среды и политической элиты.

Нехватка ресурсов делает национальную элиту более зависимой от международной среды, так как именно взаимодействие с ней может частично компенсировать этот дефицит. В современных условиях он нередко подталкивает правящий класс малых и средних государств к более активной внешней политике, в которой зачастую преобладают конфликтные мотивы.

Повышение международной напряженности привлекает внимание крупных держав и объединений к меньшим государствам, находящимся под угрозой в зоне нестабильности [Богатуров 2006; Сушенцов 2010]. В качестве примеров достаточно привести политику стран Прибалтики и, в первую очередь, Литвы, отчасти Польши и Украины на российском направлении. Политические элиты данных государств пытаются добиться размещения на своей территории военных объектов НАТО, а также используют конфронтационную риторику в отношении России.

В данном случае возникает возможность не только интернационализировать риски в случае эскалации конфликта, но и частично переложить издержки на более крупные страны, связанные обязательствами с малыми союзниками. Это вовсе не исключает влияния противоречий между крупными государствами на усиление международно-политической напряженности, но процесс конфликта сам по себе

реже рассматривается как способ привлечения необходимых ресурсов — ставка, скорее, делается на удачный исход конфронтации.

В данном случае мы подходим к известным дебатам между представителями реализма о том, какие факторы определяют стратегический выбор государства в пользу балансирования между крупными державами или «примыкания» (bandwagoning), присоединения к альянсу с одной крупной державой. Разрешение данных споров потребовало от исследователей-международников более пристального рассмотрения внутренних особенностей стран, влияющих на политику элит. В частности, ряд исследователей пришел к выводу, что выбор в пользу «примыкания» часто обусловлен низкой легитимностью правящей элиты внутри страны [David 1991; Larson 1991]. Выводы данных исследователей были основаны на анализе внешнеполитического поведения государств «третьего мира» на рубеже 1990–2000-х годов.

На современном этапе подобной логикой руководствуются политические режимы в странах Прибалтики, которые после распада СССР столкнулись не только с кризисом определения идентичности, но и с угрозами утраты легитимности, учитывая лишение политических прав значительной части русскоязычного населения в Латвии и Эстонии. Испытывающий кризис легитимности современный украинский режим также пытается обрести опору в ориентации на вступление в НАТО.

Ряд исследователей обосновал и гипотезу, согласно которой стратегия «примыкания» обусловлена стремлением государства получить новые выгоды, тогда как стратегия балансирования вызвана желанием «не потерять» — снизить издержки от потенциальных угроз. Поэтому «примыкание» чаще реализуется в случае разбалансирования внутривнутриполитической стабильности: разрушения *status quo* и попытки установить новый политический порядок внутри государства — в данном случае «примыкание» рассматривается как ресурс для достижения цели [Schweller 1994].

2

Учет внешнеполитических факторов в деятельности элит предполагает интеграцию ряда исследовательских подходов с тем, чтобы сформировать общую теоретическую модель. В первом приближении она может опираться на следующие теории:

1) структурные подходы, разработанные непосредственно в рамках теории элит (проблемы структуры, сплоченности и смены элиты);

2) неинституциональные подходы⁷, позволяющие проанализировать формальные и неформальные политические институты, с которыми связана деятельность и само существование политических элит (проблемы стабильности государства, легитимности и бюрократии, соотношения формальных и неформальных институтов и пр.);

3) теория международных отношений (структура внешней среды и взаимодействий с ней, империи и малые государства, принятие решений и др.).

Результативное применение комплекса упомянутых подходов предполагает построение целостной модели объекта исследования, которая позволила бы выделить его элементы, определив отношения между ними. Общая схема анализа поведения политической элиты изображена на Рис. 1.

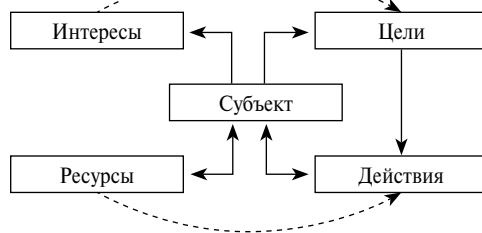
Блок «Субъект» в центре схемы обозначает социальную группу, занимающую позиции правящего класса и непосредственно контролирующую государственный аппарат. Субъект осуществляет опера-

ции осознания интересов, оценки ресурсов и выдвижения целей, что позволяет формировать линию поведения, выражающуюся в принятии и исполнении политических решений на государственном уровне.

Одной из ключевых задач при этом становится налаживание эффективной обратной связи с внешней средой, включающей в себя внутри- и внешнеполитическое пространство. Избранная линия поведения не всегда оказывается последовательной, так как подвержена влиянию многочисленных факторов внешней среды и индивидуальных особенностей субъекта. На нее воздействует не только процесс принятия решений в рамках правящей группы, но также качества ее членов и лидеров, их идеологические установки и ценности⁸.

Политическая элита, согласно приведенному выше определению, осуществляет контроль над государственным аппаратом, что предполагает наличие результирующего вектора в борьбе противостоящих групп правящего класса. Степень внутреннего единства и однородности элиты варьирует-

Рисунок 1
Модель анализа политической элиты

⁷Речь идет не только о неинституционализме, вдохновленном теорией рационального выбора, но также и об историческом институционализме, в рамках которого разрабатываются проблемы государственной власти и стабильности, революций и общественных движений.

⁸Подробная концептуализация ценностного измерения процесса принятия решений заслуживает отдельной работы. Следует отметить, что ценности не рассматриваются автором как «иррациональный» фактор при принятии решений, но, скорее, как переменная, ранжирующая приоритеты и цели членов правящего класса (на индивидуальном и групповом уровне) при оценке ситуации и принятии решений. Это позволяет субъекту подразделять текущие проблемы на приоритетные и второстепенные, что становится особенно важным в условиях нехватки достоверной информации при принятии решений. При этом ценности рассматриваются прежде всего как «сжатый» в форме традиций и установившихся убеждений исторический опыт общества и государства. Однако это не исключает «пересечения» наборов ценностей политических элит различной национальной принадлежности. Так, например, ценности национального престижа и исторической справедливости являются универсальными, тогда как их содержательное наполнение и предпочтительные средства достижения могут различаться в зависимости от национальной и социокультурной специфики.

ся между полюсами тотального единства и политической анархии. В последнем случае происходит распад субъекта на множество противоборствующих частей и, как следствие, утрата субъектности как способности к целенаправленным коллективным действиям.

«Интересы», «ресурсы», «цели» и «действия» – четыре блока, выделение которых позволяет анализировать причины и вероятные последствия предпринимаемых элитой шагов, а также ее состояние как политического субъекта, сопрягая эндогенные и структурные переменные. Ни один из них не существует автономно. Интересы влияют на формулирование целей, тогда как линия действий связана с доступным набором ресурсов. Характер данного влияния обуславливается способностью субъекта к осмыслению и анализу сложившейся ситуации. Ресурсы и линия действий субъекта находятся в непосредственной зависимости от материальной среды. Формулирование интересов и целей в большей степени зависит от субъективных способностей политической элиты по оценке ситуации, что создает возможности просчетов и непредвиденных последствий. Вместе с тем на определение интересов и целей субъекта также воздействуют и объективные факторы – текущие проблемы, с которыми сталкиваются политические элиты, соприкасаясь с внешней средой в процессе деятельности.

Э

Интересы политической элиты подразделяются на корпоративные (личные и групповые) и общегосударственные, причем далеко не всегда их можно четко разграничить. В периоды политической стабильности они находятся в относительной гармонии, тогда как в кризисной ситуации и в процессе дестабилизации личные инте-

ресы, как правило, выступают на первый план, что увеличивает вероятность фрагментации элиты. В качестве реакции на данные процессы мощные властные группы могут использовать экономические стимулы или репрессивные меры для недопущения распада политической элиты или ее повторного объединения (создания новой коалиции).

Кроме того, целесообразно выделять материальные, статусные и властные интересы политической элиты. Речь идет о накоплении материальных ресурсов, обеспечении внутри- и внешнеполитического статуса и престижа⁹, а также об удержании и накоплении власти. Решение последней задачи предполагает поддержание прочной внутриэлитной коалиции, имеющей надежные связи с институциональными субъектами и способной контролировать политическую активность оппозиции и социальных общностей.

Вместе с тем в ходе кризисов легитимности, переходящих в политический кризис, может происходить либо смена правящей коалиции, либо переформатирование коалиции, ее объединение вокруг нового центра власти. Нередко для удержания или завоевания власти представители правящего класса обращаются к поддержке зарубежных сил.

Важнейшим показателем необходимости удержания власти и сдерживания противоречий внутри правящего класса выступает низкая ресурсообеспеченность. Раскол элит, как правило, становится следствием истощения ресурсов государства, что выражается в фискальном кризисе и/или потере внешнеполитического престижа в результате крупных проигрышей на международной арене. В этой связи интерес элит заключается не только в обеспечении собственного признания внутри страны и за ее пределами, но и в повышении роли

⁹Статус определяется положением политического субъекта в социальной (в т.ч. международной) иерархии. Престиж определяется социальным восприятием деятельности субъекта с точки зрения текущей иерархии ценностей. Таким образом, престиж тесно связан со статусом, но не тождественен ему. Так, по-прежнему сохраняя высокий статус, субъект может утрачивать престиж, например, вследствие отрицательных результатов собственной деятельности. В определенных пределах допустимо также и обратное утверждение [Status in World Politics 2014].

возглавляемого ею государства в международных отношениях¹⁰.

Интересы преобразуются субъектом посредством процедуры осмысления и анализа в форму конкретных целей, ориентирующих деятельность политической элиты. Базовые цели заключаются в сохранении сплоченности правящей коалиции, обеспечении легитимности и общественной поддержки, недопущении антисистемной коалиции («контр-элиты») к рычагам власти. Данные цели носят оборонительный характер, однако при наличии достаточных ресурсов возможна постановка и перспективных целей по повышению престижа государства или преобразованию общества в соответствии с имеющимся идеалом.

В устойчивых демократических режимах, для которых характерно полицентричное распределение влияния среди нескольких элитных групп, обеспечивается мирный переход власти от одной правящей коалиции к другой, при этом антисистемные коалиции дробятся и маргинализируются. Открытая конкуренция политических элит за доступ к рычагам управления государственным аппаратом прекращается после завершения выборов, что позволяет обеспечить принцип единоначалия, необходимый для проведения государственной политики.

Ресурсы поддержания и укрепления положения элит могут быть подразделены на материальные, культурно-информационные, организационные и морально-психологические¹¹. Материальный потенциал включает в себя экономические и военные средства достижения целей, в том числе демографические и природные ресурсы, которыми располагает политическая элита. Информационно-культурный потенци-

ал включает в себя набор средств оказания влияния на формирование общественного мнения относительно событий во внутри- и внешнеполитической среде, а также внутри самого правящего класса. Организационные ресурсы представляют, в первую очередь, государственный аппарат и институты организации общественной жизни. От их эффективности зависит не только результативное использование других категорий ресурсов, но и выверенная аналитическая оценка обстановки, осмысление интересов и целей политической элиты.

Морально-психологические ресурсы могут быть определены по-разному – в зависимости от применяемых теоретических подходов. Они тесно переплетены с информационно-культурными, но не тождественны им. Речь идет в первую очередь о психологической устойчивости политической элиты под давлением внутри- и внешнеполитической среды, которая позволяет удержаться от раскола и сохранить способность к рациональной оценке ситуации, не поддаваясь панике в критических ситуациях. Данный параметр, по всей видимости, зависит не только от субъективных качеств представителей элиты и информационно-культурных ресурсов, позволяющих популяризировать и в итоге навязать собственную точку зрения, но также от национального опыта и чувства исторической справедливости.

Другим компонентом морально-психологических ресурсов политической элиты становится готовность к деятельному отстаиванию и распространению собственных ценностей внутри страны и за ее пределами¹². Данные понятия с трудом поддаются операционализации, особенно в форме квантификации, и подлежат преимущественно ка-

¹⁰В данном случае уместно привести лаконичную формулировку Р. Коллинза: «...Престиж государственной власти на международной арене влияет на легитимность правителей государства во внутренней политике» [Коллинз 2005: 31].

¹¹Данный подход к выделению типов ресурсов основывается на типологии, предложенной М.А. Хрусталевым, дополняя ее психологическим и – далее – коммуникационным типами ресурсов [Хрусталев 2015].

¹²Данное качество политической элиты может иметь различную степень интенсивности выражения: от линии на прагматичную защиту национальной самобытности – до миссионерства при воплощении идеальной утопии.

чественной оценке с использованием интуитивных восприятий. Однако их исключение из поля зрения чревато упрощением изучаемого объекта и просчетами при оценке причин и последствий его поведения.

Линия действий элиты подчиняется общей политической логике укрепления коалиции сторонников и ослабления позиции действительных или потенциальных оппонентов. Данный принцип обретает конкретные формы в процессе практического взаимодействия. Для их выявления необходим анализ стратегического и тактического уровней деятельности, методов и инструментов, сфер и каналов приложения усилий политического субъекта.

4

Интересы, цели, ресурсы и действия политической элиты характеризуются различной степенью динамичности, находясь в непрерывном процессе взаимовлияния с внутри- и внешнеполитической средой. В самом общем смысле **среда** может быть представлена как *сложносоставная структура, включающая в себя нормы (институты), ресурсы и субъектов (государства и негосударственных игроков)*. **Внутриполитическая среда** включает в себя *социальную структуру (отношения и связи между социальными группами) и институциональную структуру (политический режим как совокупность отношений между государственным аппаратом и обществом)*. Соотношение воздействия внешней и внутренней среды на политические элиты, как отмечалось выше, — динамически изменяющийся параметр. Политическая элита, как правило, имеет прямые каналы взаимодействия с внешними контрагентами, и может исполь-

зовать данные связи с целью влияния на внутривнутриполитическую среду в своей стране.

Международная среда представляет собой, главным образом, систему связей и отношений между государствами, хотя также включает множество негосударственных субъектов. В данном случае можно вести речь, прежде всего, о характеристиках отдельного государства и системы международных отношений в целом. Государства могут быть подразделены на карликовые (микросоциальства), малые страны, крупные страны и мировые империи [Colomer 2007].

Система международных отношений может быть представлена как асимметричная иерархия, включающая в себя центр, в котором сосредоточены наибольшие ресурсы и влияние, полупериферию и периферию¹³. Данная структура с точки зрения отдельных государств и управляющих ими политических элит представляется как набор различных ниш. Государства занимают их в диапазоне «центр-периферия» — от этого зависит их статус и доступ к ресурсам¹⁴.

Борьба за место в иерархии осуществляется различными средствами — материальными¹⁵, информационно-культурными и организационными. Ставки в данной борьбе варьируются от периода к периоду и связаны с соотношением сил между мировыми державами, а также с географическим перемещением центров экономической активности и накопления капитала. Следовательно, распределение ниш в иерархии может периодически подвергаться реформатированию в различных масштабах.

Международная среда деятельности политических элит обладает пространственным, временным и коммуникационным измерениями. В процессе взаимодействия

¹³Разделение на центр, полупериферию и периферию служит целям теоретического отражения неравномерного распределения ресурсов согласно принципу иерархической организации социальных отношений.

¹⁴Внешнеполитические ниши характеризуются не только экономическими функциями (положением государства в мировом разделении труда и местом на мировых рынках), но также политическими функциями (роль в системе международных отношений — например, «политический центр», «посредник», «младший партнер», «сателлит», «буфер» и т.д.).

¹⁵В данном случае военный потенциал обычно включается в категорию материальных средств, однако при более детальном рассмотрении очевидно, что военная мощь складывается путем комбинирования материальных, организационных, информационно-культурных средств и морально-психологических ресурсов.

с ней правящий класс сталкивается с необходимостью учета факторов времени и пространства, которые также представляют особые типы ресурсов¹⁶. Неблагоприятные тенденции в развитии среды подталкивают к более стремительным действиям или, наоборот, побуждают политического субъекта занять выжидательную позицию, если неблагоприятная конъюнктура оценивается как временная.

Коммуникационное измерение состояния системы также представляет собой тип ресурса политической элиты. В зависимости от характера взаимодействия с другими субъектами (кооперация, конфронтация или смешанный тип взаимодействия) коммуникация как сообщение и получение информации о возможностях и намерениях между двумя игроками, может компенсировать нехватку или усиливать другие типы ресурсов.

В частности, в ситуациях кооперации или смешанного взаимодействия налаженные каналы обмена информацией между игроками позволяют более эффективно координировать совместные действия и могут повысить результативность взаимодействия. В условиях конфронтации часто маскировка намерений и планов, сознательное искажение или нарушение коммуникации могут давать политической элите преимущество перед оппонентами, обеспеченное непредсказуемостью ее действий.

Таким образом, международная среда может быть представлена как пространство пересечения интересов, которое формирует три базовых типа отношений – борьба, кооперация и нейтралитет, на практике чаще всего сложно переплетенных. Данные отношения ложатся в основу типовых моделей¹⁷ взаимодействия политических элит с международной средой: нейтралитет (многосторонний прагматизм), конфликтная модель (охранительство или экспансия), кооперативная модель (союзнические отношения, интегративные и посреднические функции). Политическая жизнь демонстрирует образцы сложно скомпонованных моделей.

Взаимовлияние международной среды и отдельного государства в значительной мере обуславливают ресурсы, доступные управляющей им элите. Можно выделить несколько их типов: материальные (финансовые, технологические, военные), культурно-информационные (восприятие страны на международной арене¹⁸, каналы и содержание информационных сообщений) и организационные (союзы и объединения, достижение целей в рамках многосторонних международных организаций и переговорных форматов). Степень доступности и значимости данных типов ресурсов для элиты отдельно взятого государства зависит от ряда параметров, в том числе от размера государства, географического положения, историко-культурных особенностей, регио-

¹⁶Отдельную проблему представляет изучение метаморфоз пространства и времени в условиях развития новейших технологий транспорта и передачи информации. Вопрос о том, насколько данные нововведения меняют природу властных отношений, остается открытым. Новые технологии используются как для укрепления власти элиты, так и для политической борьбы, в том числе на международном уровне.

¹⁷Под моделью в данном случае понимается устойчивая во времени линия действий политической элиты во внешнеполитической среде. Модель может быть отражена в доктринальных внешнеполитических документах, оформляющих ее в стратегию как набор планомерных действий по достижению долгосрочной цели. Вместе с тем, фактические действия государства на международной арене могут расходиться с декларируемыми установками в силу недостаточной осмысленности интересов либо сознательной маскировки.

¹⁸Следует отметить, что понятие «мягкая сила» в его положительном значении как привлекательность страны на международной арене не исчерпывает возможных информационных ресурсов. Часто «негативная» «мягкая сила», заключающаяся в убеждении участников международных отношений, что отдельная страна готова оперативно применить широкий комплекс инструментов вплоть до военной силы в случае конфликта, служит естественным ограничителем – фактически, речь идет о сдерживании. Имидж непредсказуемой державы, которым отчасти обладает Северная Корея, не только ограждает ее от потенциальной агрессии извне, но и может способствовать выделению внешней материальной помощи стране с тем, чтобы сдерживать радикальные решения ее элиты.

нальных и мировых политических и экономических тенденций. Например, Сингапур за счет удобного расположения на перекрестке мировых торговых путей смог привлечь масштабные внешние материальные ресурсы. Страны Прибалтики стремятся приобрести дополнительный потенциал за счет членства в ЕС и НАТО, получая доступ к единому рынку, привлекая средства из бюджета ЕС на инфраструктурные проекты и полагаясь на военные гарантии НАТО. По данному пути идет большинство «новых» восточноевропейских членов ЕС.

Доступность ресурсов в известной степени детерминирует варианты внешнеполитического поведения элиты. Для правящего класса мировой державы, имеющего в своем распоряжении наиболее широкий спектр ресурсов, доступна имперская стратегия (модель глобальной экспансии с преобладанием военного или экономического давления). Малые государства не могут позволить себе реализацию экспансионистской модели ввиду ограниченности ресурсов, что не исключает возможной конфронтационности их действий на почве охранительства.

В малых государствах политические элиты в большей степени зависят от внешнеполитической среды и ее динамики, нежели правящий класс крупных государств¹⁹. Причинами такого положения становятся малый объем внутреннего рынка, нехватка природных ресурсов, относительно высокий уровень издержек на поддержание госаппарата и военных сил, высокие затраты на развитие национальной культуры [Кавешников 2008]. Кроме того, в малых государствах, в том числе в результате перечисленных особенностей, как правило, производственные издержки оказываются ощутимо выше, чем в более крупных странах [Winters 2004].

Вместе с тем современные тенденции международных отношений формируют ряд параметров, благоприятствующих развитию малых государств. Речь идет прежде всего об усилении значения институциональных норм и общественного мнения в международных отношениях, позволяющем политическим элитам малых стран проводить более самостоятельную политику, не сводящуюся к той или иной форме прямого «вассалитета» и предполагающую внешнеполитическое маневрирование, по крайней мере в сравнении с предшествующими веками.

* * *

Резюмируя, можно сформулировать ряд более общих следствий, отражающих влияние международной среды на политическую элиту. Ее устойчивость и эффективность управленческих действий прежде всего зависят от институциональной стабильности государства, управленческий аппарат которого контролирует элита. Ресурсообеспеченность политической элиты не ограничивается только внутренними ресурсами государства, но зависит также от характера взаимодействия с внешнеполитической средой, способствующего наращиванию ресурсной базы или, напротив, ее оскудению. Последний сценарий развития ситуации ведет к нарастанию напряжения внутри элиты с угрозой ее раскола. Действенным стимулом к сплочению элитных групп, позволяющим подчас компенсировать нехватку ресурсов, оказывается внешняя угроза. Международный престиж — один из важнейших источников легитимности политической элиты. Перечисленные параметры непосредственно связаны с особенностями ниши, которую стремится занять в системе

¹⁹В современных международных отношениях возрастает роль экономических и информационных аспектов (хотя нет оснований считать, что военная сила перестала быть определяющим фактором мировой политики), что позволяет некоторым малым государствам нарастить собственные ресурсы. Вместе с тем малые государства (будь то богатые полезными ископаемыми страны или новые города-государства, ставшие глобальными финансовыми центрами) по-прежнему зависят от более ресурсообеспеченных государств и межгосударственных объединений. Ограниченные пространственные ресурсы лимитируют остальные виды ресурсов, прежде всего, демографические и военные; развитие экономики малых стран также критически зависит от включенности в более крупные торгово-хозяйственные сети, создаваемые и поддерживаемые мировыми державами.

международных отношений политическая элита государства.

Предложенный подход позволяет логически связать теорию элит с неонституционализмом и теорией международных отношений, что дает возможность расширить и уточнить ее предметное поле. Описанная модель носит абстрактный характер, основывается на общих принципах и может насыщаться деталями при изучении конкретных политических процессов. Проблема операционализации предложенного подхода может быть решена за счет выделения структурных и субъектных характеристик объекта исследования с последующим введением соответствующих переменных.

С одной стороны, политическая элита проходит определенные структурные изменения, переживая последовательно меняющиеся состояния, а с другой – осуществляет целенаправленную деятельность. Структурные характеристики отвечают на вопрос о том, что происходит с политической элитой, тогда как бихевиористский анализ дает ответ на вопрос о том, как ведет себя правящий класс в качестве коллективного субъекта. Объяснение динамики эволюции политической элиты, конкретных решений и выстраивание вероятных сценариев ее развития предполагает сопряжение структурных характеристик и внутренних свойств субъекта.

Анализ структурных характеристик политической элиты может осуществляться на основе оценки состава, сплоченности и циркуляции элит. Переменные, отражающие поведение элит, могут быть раскрыты посредством эмпирического анализа их взаимодействия с обществом, а также с другими политическими субъектами во внутривнутриполитической и международной среде. В данном случае рассматриваются функционирование политических институтов (партийная система, государственный аппарат), а также соотношение сил и интересов взаимодействующих субъектов. Каждая из обозначенных переменных может быть в дальнейшем разбита на ряд более частных эмпирических индикаторов.

Данный подход позволяет взглянуть на политические трансформации последних лет²⁰ под углом зрения сопряжения институциональной и международной динамики, не ограничиваясь лишь оценкой экономического положения и изучением формальных институтов в духе транзитологии и элитистских концепций демократии. В то же время появляется возможность глубже раскрыть понятие политической конкуренции элит, которое включает в себя не только предвыборную и внутреннюю борьбу, но также вопросы взаимодействия с международной средой.

Список литературы

- Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002.
- Богатуров А.Д. Искушение Рейганом. Лимитрофы становятся значимым фактором в политике США на российском направлении // Независимая газета. 2006. 22 мая.
- Гаман-Голутвина О.В. Политическая элита – определение основных понятий // Полис. 2003. № 3. С. 97–103.
- Кавешников Н. Ю. Малие и вредные // Международные процессы. 2008. Т. 6, № 3. С. 84–92.
- Капустин Б. Г. Конец "транзитологии"? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // Полис. 2001. № 4. С. 6–26.
- Коллинз Р. «Балканизация» или «американизация»: геополитическая теория этнических изменений // Логос. 2005. № 1 (46). С. 19–64.
- Крыштановская О.В. Современные концепции политической элиты и российская практика // Мир России. 2004. № 4. С.3–39.
- Примаков Е.М. Вызовы и альтернативы многополярного мира: роль России. М.: Издательство Московского университета, 2014.

²⁰Речь идет не только о посткоммунистических трансформациях на рубеже 1990-х годов, но и «цветных революциях», происходивших на протяжении 2000-х годов.

- Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс–Традиция, 2004.
- Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. М.: Аспект Пресс, 2015.
- Хрусталев М.А. Основы теории внешней политики государства. М.: Наука, 1984.
- Цыганков П.А. Политическая динамика современного мира: теория и практика. М.: Издательство Московского университета, 2014.
- Эдингер М. Политические элиты в посткоммунистических государствах: смена элит и связанные с ней вызовы // Демократия. Власть. Элиты: демократия vs элитократия: сб. ст. / под ред. Я.А. Пляйса. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 13–29.
- Acemoglu D. Introduction to modern economic growth. Princeton: Princeton University Press, 2008. 990 p.
- Almond G., Verba S. The civic culture: political attitudes and democracy in five countries. Princeton: Princeton university, 1963. 562 p.
- Collins R. Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse // American Journal of Sociology. 1995. Vol. 100, No. 6. P. 1552–1593.
- Colomer J. Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State. Routledge, 2007.
- David S. Choosing Sides: Alignment and Realignment in the Third World. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1991.
- Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives / Ed. by Best H., Higley J. Lieden: Brill, 2010.
- Elites in transition: elite research in Central and Eastern Europe / Ed. by Heinrich Best, Ulrike Becker. Opladen: Leske + Budrich, 1997. 250 p.
- Fukuyama F. "Stateness" First // Journal of Democracy. 2005. Vol.16, No.1. P.84–88.
- Fukuyama F. Why Is Democracy Performing So Poorly? // Journal of Democracy. 2015. Vol.26, No.1. P. 11–20.
- Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World. University of California Press, 1991.
- Gourevitch P. The Second Image Reversed: The International Sources of Domestic Politics // International Organization. 1978. Vol. 32, No. 4. P.881–912.
- Higley J., Burton M. Elite Foundations of Liberal Democracy. Boulder: Rowman & Littlefield. 2006.
- Larson D. Bandwagoning Images in American Foreign Policy // Dominoes and Bandwagons: Strategic Beliefs and Greater Power Competition in the Eurasian Rimland. Oxford: Oxford University Press, 1991.
- Representative Elites in Post-Communist Settings / Ed. by H.Best, M.Edinger. Jena, 2003.
- Przeworski A. Democracy and development: political institutions and well-being in the world, 1950–1990. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 321 p.
- Schweller R. Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In // International Security. 1994. Vol. 19, No. 1. P. 72–107.
- Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Status in World Politics / Ed. by T. V. Paul, D. Larson, W. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Winters L.A. and Martins P. When comparative advantage is not enough: business costs in small remote economies // World Trade Review. Vol. 3. Issue 03. November 2004. P. 347–383.

INTERNATIONAL SOURCES OF POLITICAL CONDUCT

VADIM SMIRNOV

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation

Abstract:

The article deals with the theoretical problem of enquiry into external factors influencing the emergence and behavior of political elite. The author educes structural and subjective characteristics of political elite concept which provides means for scrutinizing the resources, interests, goals and behavior of political elite in dynamic trends. This approach allows logically to connect foreign factors with the concepts of resource availability and international niche occupied by a state controlled by its political elite. Consideration of these factors allows to comprehensively uncover multifaceted motivation and often non-linear causal relationships which determine the behavior of political elite, its tactical and strategic decisions.

The effectiveness of governance by a political elite, its sustainability and internal stability depend to a major extent on the stability of state institutions. The resources provided to a political elite depend not merely on the situation within state borders, but also on the character and forms of elite interactions with external political environment. These interactions and relations can contribute either to an expansion of the resource base or its depletion.

The paper proposes an approach towards the study of elites based on the synthesis of elite theory, neoinstitutionalism, and international relations theory. This contributes to the productive development of the field comprising internal and external factors influencing political elite establishment and its political choices. The proposed theoretical framework can be subsequently developed with respect to specific political problems involving political elites as main actors. Implementation of the proposed approach can be done through defining structural and subject features of the political elite and generating relevant variables.

Structural features of the political elite can be analyzed through the lens of composition, cohesion and circulation of political elite on the basis of qualitative and quantitative methods. Political elite subject features can be identified by scrutinizing political elite interactions with other actors in internal and external political environment on the basis of the following variables: functioning of political institutions (party system, state apparatus, etc.), and balance of forces and interests of the actors.

Key words:

political elite; structure; system; resources; political institution; foreign environment.

References

- Acemoglu D. (2008). *Introduction to modern economic growth*. Princeton: Princeton University Press. 990 p.
- Almond G., Verba S. (1963). *The civic culture: political attitudes and democracy in five countries*. Princeton: Princeton university. 562 p.
- Best H., Becker U. (eds.) (1997). *Elites in transition : elite research in Central and Eastern Europe*. Opladen: Leske + Budrich. 250 p.
- Best H., Edinger M. (eds.) (2003). *Representative Elites in Post-Communist Settings*. Jena.
- Best H., Higley J. (eds.) (2010). *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives*. Lieden: Brill.
- Bogaturov A., Kosolapov N., Khrustaliev M. (2002). *Ocherki teorii i politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnosheniy* [On the Theory and Political Analysis of International Relations]. Moscow: NOFMO.
- Bogaturov A.D. (2006). *Iskushenie Rejganom. Limitrofy stanovjatsja znachimym faktorom v politike SShA na rossijskom napravlenii* [Reigan Seduction. Limitrophes Become a Significant Factor in USA Foreign Policy Towards Russia] // Nezavisimaja gazeta. May 22.
- Collins R. (1995). *Prediction in Macrosociology: The Case of the Soviet Collapse* // American Journal of Sociology. Vol. 100, No. 6. P. 1552–1593.
- Colomer J. (2007). *Great Empires, Small Nations. The Uncertain Future of the Sovereign State*. Routledge.
- David S. (1991). *Choosing Sides: Alignment and Realignment in the Third World*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Edinger M. (2010). Politicheskie elity v postkommunisticheskikh gosudarstvakh: smena elit i svyazannye s nej vyzovy [Political Elites in Post-Communist States: Elite Rotation and Related Issues]. *Demokratiya. Vlast'. Elity: demokratiya vs elitokratiya*. Ed. by Ya.A. Plyajs. Moscow: ROSSPEN. Pp. 13–29.
- Fukuyama F. (2005). "Stateness" First // Journal of Democracy. Vol.16, No.1. P.84–88.
- Fukuyama F. (2015). *Why Is Democracy Performing So Poorly?* // Journal of Democracy. Vol.26, No.1. P. 11–20.
- Gaman-Golutvina O. (2003). *Politicheskaya elita – opredelenie osnovnykh ponyatij* [Political Elite – on the Definition of Major Concepts]. Polis. No 3. P.97–103.
- Goldstone J. (1991). *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. University of California Press.
- Gourevitch P. (1978). *The Second Image Reversed: The International Sources of Domestic Politics* // International Organization. Vol. 32, No. 4. P.881–912.
- Higley J., Burton M. (2006). *Elite Foundations of Liberal Democracy*. Boulder: Rowman & Littlefield.
- Huntington S. (2004). *Politicheskij poryadok v menyayuschikhsya obschestvakh* [Political Order in Changing Societies]. Moscow: Progress-Traditsya.
- Kapustin B. (2001). *Konets "transitologii"? O teoreticheskom osmyslenii pervogo postkommunisticheskogo desyatiletija* [The End of Democracy Transit Studies? On the Theoretical Conception of the First Post-Communist Decade]. Polis. No 4. P. 6–26.

- Kaveshnikov N. Ju. (2008). *Malye i vrednye* [Small and Destructive] // *Mezhdunarodnye processy* [International Processes]. Vol. 6, № 3. P. 84–92.
- Khrustalyev M. (1984). *Osnoby teorii vneshney politiki gosudarstva* [Theoretic Framework of Foreign Policy]. Moscow: Nauka.
- Khrustalyev M. (2015). *Analuz mezhdunarodnykh situatsiy i politicheskaya ekspertiza* [Ananalysis of International Situations and Political Expertise]. Moscow: Aspect Press.
- Kollins P. (2005). "Balkanizatsiya" ili "amerikanizatsiya": geopoliticheskaya teoriya etnicheskykh izmeneniy ["Balkanization" or "Americanization": A Geopolitical Theory Ethnic Change]. *Logos*. No 1 (46). P. 19–64.
- Kryshchanovskaya O. (2004). *Sovremennyye kontseptsii politicheskoy elity i rossiyskaya praktika* [Contemporary Conceptions of Political Elite and the Russian Practice]. *Mir Rossii*. No 4. P.3–39.
- Larson D. (1991). *Bandwagoning Images in American Foreign Policy* // *Dominoes and Bandwagons: Strategic Beliefs and Greater Power Competition in the Eurasian Rimland*. Oxford: Oxford University Press.
- Paul T. V., Larson D., Wohlforth W. (eds.) (2014). *Status in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Primakov E. (2014). *Vyzovy i alternativy mnogopolyarnogo mira: rol' Rossiy* [Challenges and Alternatives of a Multipolar World: the Role of Russia]. M.: Moscow State University Publishing.
- Przeworski A. (2000). *Democracy and development: political institutions and well-being in the world, 1950–1990* (Vol. 3). Cambridge University Press. 321 p.
- Schweller R. (1994). *Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In* // *International Security*. Vol. 19, No. 1. P. 72–107.
- Skocpol T. (1979). *States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tskygankov P. (2014). *Politicheskaya dinamika sovremennogo mira: teoriya i praktika* [Political Dynamics of the Modern World: Theory and Practice]. Moscow: Moscow State University Publishing.
- Winters L.A., Martins P. (2004). *When comparative advantage is not enough: business costs in small remote economies* // *World Trade Review*. Vol. 3. Issue 03. November. P. 347–383.